

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ / RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.56.4>

АНТРОПОНИМИКОН КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Научная статья

Назмутдинова Т.С.^{1,*}, Богдановская Н.В.²

¹ORCID : 0000-0002-4649-3432;

²ORCID : 0000-0001-9304-8959;

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (scurumoch[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена описанию лингвокультурологического аспекта антропонимов в парадигме различных языковых культур. Цель статьи: сравнительно-сопоставительное освещение личных имен собственных в русском языке и языках народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в их динамическом аспекте. Анализируется влияние культур на антропонимическую систему языка: формирование антропонимикона народов на основе традиционных верований и обычая; проникновение грамматических особенностей русской антропонимии в именник северных народов. В ходе исследования также выявлены семантические способы образования антропонимов у северных народов, обусловленные культурно-историческими аспектами языка. Рассматриваются антропонимы, являющиеся важным средством отражения национальной культуры, которая находит выражение в структуре официальной формулы именования, в выборе вокативных и кваливативных форм, во всём антропонимиконе народа. В статье под термином «антропонимикон» понимается совокупность антропонимов, то есть имен собственных, личных имен, именословия, именника, онимов.

Ключевые слова: антропонимикон, культурный код, народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, собственные имена.

ANTHROPOONYMYCON AS A REFLECTION OF THE CULTURAL CODE OF THE PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST

Research article

Nazmutdinova T.S.^{1,*}, Bogdanovskaya N.V.²

¹ORCID : 0000-0002-4649-3432;

²ORCID : 0000-0001-9304-8959;

^{1,2} A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (scurumoch[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the description of the linguocultural aspect of anthroponomycon in the paradigm of different linguistic cultures. The aim of the article: comparative coverage of personal proper names in Russian and the languages of the peoples of the North, Siberia and the Far East in their dynamic aspect. The influence of cultures on the anthroponymic system of the language is analysed: the formation of anthroponomycon of peoples on the basis of traditional beliefs and customs; the penetration of grammatical features of Russian anthroponymy into the nomenclature of northern peoples. The study also identifies the semantic ways of anthroponyms formation in the Northern peoples, conditioned by cultural and historical aspects of the language. The anthroponyms, which are an important means of reflecting the national culture, are examined, which is expressed in the structure of the official naming formula, in the choice of vocalic and qualitative forms, in the whole anthroponomycon of the people. In the paper, the term "anthroponomycon" is understood as a set of anthroponyms, i.e. proper names, personal names, naming vocabulary, nominative, onyms.

Keywords: anthroponomycon, cultural code, peoples of the North, Siberia and the Far East, proper names.

Введение

Изучение личных имен собственных по вузовской программе сосредоточено в курсе современного русского языка. В оценке их значения нет единства среди лингвистов. В отечественной науке сложилось два подхода к этой проблеме. Как правило, в учебных пособиях по этому вопросу приводится одна точка зрения, согласно которой имена собственные не обладают лексическим значением и выполняют в языке только номинативно-познавательную роль. В отличие от имен нарицательных, которые связаны с понятием, обладают предметным значением и обозначают эти предметы, имена собственные (онимы) – это слова с единичным референом, они лишь вводят «каждое лицо в мир». Таково мнение многих исследователей языка: О. С. Ахмановой, А. А. Реформатского, К. А. Левковской, А. В. Суперанской, Л. В. Успенского и др.

Иного взгляда на значение имен собственных придерживаются С. А. Копорский, Е. В. Кротевич, Т. Н. Кондратьева, Н. К. Фролов, В. Н. Михайлов и др., которые полагают, что любое знаменательное слово имеет и смысловую, и назывную стороны [20]. В связи со сказанным представляется небезынтересным привести мнение А. В.

Суперанской, придерживающейся традиционного взгляда на значение онима: «Любое знаменательное слово имеет смысловую (понятийную) и назывную (номинативную) сторону. Первая заключается в его смысловом содержании и понятийной соотнесенности (план логический), вторая рассчитана на определенное воздействие слова и на его реакцию со стороны того, к кому оно обращено (план коммуникативный и эмоциональный). У имен нарицательных, как правило, преобладает логический аспект, у собственных – номинативный» [15, С. 263-264]. Из цитат следует, во-первых, что любое знаменательное слово имеет смысловую значимость, во-вторых, у имен нарицательных лишь «преобладает» логический аспект над номинативным. Следовательно, имена собственные не совсем лишены смыслового потенциала, он просто представлен в ином количественном соотношении.

Смысловую оценочную характеристику именам собственным дал филолог и философ А. Ф. Лосев: «Каждое имя не дается так просто. В начале своем оно безусловно что-то значило. Недаром мы только собственные имена, но и нарицательные называем именами» [10, С. 23].

В многоязычной студенческой аудитории Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, где обучаются представители 26 национальностей, ограничиться теоретическим приведением только одной (первой) точки зрения о значении имен собственных будет явно недостаточно, т.к. у многих коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока личные имена собственные связаны с определенным понятием, являются носителями какого-либо значения. Отсюда, при чтении лекции об именах собственных у студентов возникают вопросы и реплики: «А у нас в языке не так», «Почему значение личных имен различается в русском и ненецком (или каком-либо другом) языках?» и т.п. В такой ситуации взгляд на имя собственное как на простой различающий знак, не имеющий лексического значения, в многоязычной среде вольно или невольно приводит к обезличиванию самобытных личных имен народов указанных регионов. Обезличивание же, по мнению И. К. Кузьмичева, «есть одна из граней всемирно-исторического процесса разрушения личности» [9, С. 134]. Поэтому одной из насущных задач высшей школы является проведение продуманной, толерантной языковой политики среди студентов-северян, такой, при которой не должно быть никакого умаления и ущемления их родного языка и родной культуры, поскольку они взаимосвязаны: национально-специфические особенности культуры отражены в языке, а язык обслуживает данное культурное общество. Толерантность, согласно словарному определению, – «это готовность принятие «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия» [4, С. 243]. Решить эту сложную проблему онимов возможно, на наш взгляд, путем сравнительно-сопоставительного освещения личных имен собственных в русском языке и языках народов Севера в их динамическом аспекте. Вопросы становления современной антропонимики русского языка достаточно хорошо освещены в научной литературе, но онимы русского языка и многочисленных языков народов Крайнего Севера в сравнительно-сопоставительном плане мало изучены, хотя этот вопрос представляет большой интерес особенно в многоязычной студенческой аудитории.

Основные результаты

В историческом процессе становления русских личных собственных имен выделяются два основных этапа – дохристианский и послехристианский. В дохристианское время в употреблении были самобытные имена, созданные на восточнославянской почве средствами древнерусского языка. Эти имена с ясной семантикой были своеобразными характеристиками людей. Они называли человека, по какому-либо внешнему или внутреннему признаку, отражали порядок появления ребенка в семье, отношение к нему родителей (желанное дитя или нет) и т.п., т.е. семантическая содержательность их была чрезвычайно многообразной. Она определялась системой ценностей, свойственных менталитету древних русичей. Это можно показать на примерах:

- личные имена – характеристики описывающие физические свойства человека по внешности: Мал (так звали восточнославянского племени древлян), Косой, Рябой, Кудряш, Черныш, Горбун и др.; женские имена: Чернавка, Некраса, Мила, Прекраса (так звали будущую княгиню Ольгу до её замужества, а имя Ольга дал ей «вещий» Олег, выдав её за Игоря) [9, С. 149] и др.;
- по особенностям характера, по внутреннему признаку: Храбр, Умник, Дурак, Молчун, Шумила, Добрыня, Неупокой, Будила, Гулян и др.;
- по очередности и времени рождения ребенка: Первой, Второй, Третьяк, Меньшак, Старшой, Осмина, Первушка, Вешняк, Поздняк, Зимняк и др.;
- по отношению родителей к появлению ребенка: Ждан, Неждан, Нечай, Богдан, Любим и др.;
- по профессии: Селянин (крестьянин, пахарь, ср.: былинного героя звали Микула Селянинович), Баян (поэт и музыкант XI в., умел красиво «баять» – говорить, рассказывать), Кожемяка (мастер по выделке кожи, тот, кто «кожи мякает», делает её мягкой) и др.;

Были на Руси и имена – метафоры, называющие человека иносказательно, чтобы уберечь его от «сглаза», воздействия тёмных сил. В качестве личного имени использовались названия животных (Бык, Медведь, Волк и др.), птиц (Грач, Орел, Соловей, Лебедь – по летописным версиям, у основателя Киева Кия были братья Щек, Хорив и сестра Лыбедь), рыб (Карп, Окунь, Щука и др.) растений (Дуб, Береза, Калина, Репа, Огурец и др.) явлений природы (Гроза, Свет, Туман и др.). С этой же целью суеверные родители давали ребенку с «хитринкой». Поэтому умных, красивых, сильных детей называли Уродами, Трусами, Негодяями, Некрасами и т.п.

Это имена-обереги, имена-талисманы [9]. Причиной появления таких имен у древних славян, как у других народов, была их вера в магическую силу слова. Они считали, что личное имя способно защитить ребенка, сформировать его характер, сделать его будущее счастливым. Чтобы подтвердить сказанное приведем примеры таких личных имен из памятников письменности, характеризующих общественное сознание и уровень культуры эпохи создания памятников. В качестве источника используем деловые документы – таможенные книги Устюга Великого, Сольвычегодска и Тотьмы 1650-1656 гг. [17], в которых, наряду с христианскими именами, представлены и старые имена торговых людей того времени:

- Фокин Некраско, Садилов сила, Афонасьев Грязной;

– Иванов Безсонко, Кузнецов Незговор, Васильев Томило, Вирачев Шумило, Худяков Пьянко, Микифоров Гордийко;

– Сергиев Первушко, Ногин Второй, Матвеев Вторко, Иванов Третьяк, Потылицын Друган, Иванов Шестой, Филиппов Шестачко, Ондриев Десятой, Федоров Семейка;

– Бородулин Любим, Олферов Ждан, Микифоров Нечайко, Харламов Поспел, Мокеев Поспелко, Прохоров Богдан.

Все приведенные выше имена собственные имеют отчетливо выраженную внутреннюю форму, которая указывает, к названию какого предмета, явление восходит личное имя, т.е. в них четко просматривается причинно-следственная связь наименования. Следовательно, дохристианские личные носители были носителями определенного лексического значения. Эти имена напоминают нам сейчас имена-прозвища. Но в древней Руси до её крещения фактически разницы между личным именем и прозвищем не было: [18, С. 10] прозвище и было именем, и оно отражало ту систему ценностей, которая была принята у данного народа – витальная ценность, т.е. сам человек, его внешность, внутренняя сущность, здоровье, жизнь, счастье.

В 988 г. в связи с принятием христианства из Византии у восточных славян появляются новые имена греческого, латинского и древнееврейского происхождения. Они были записаны в особые книги-месяцесловы, или святы, где на каждый день каждого месяца приходились имена святых, которых чтит православная церковь. Каким-либо именем святого тогда и называли новорожденного. Новые имена, «темные» и непонятные в семантическом отношении, иногда трудные для произношения, не сразу заменили прежние дохристианские имена. Поэтому в X-XI вв. у наших предков в употреблении было два имени: одно – «крещенное», данное церковью, а второе – «мирское», присвоенное человеку «миром» - народом или родителями. Так, дьякон Григорий в приписке к «Остромирову евангелию» (1056-1057 гг.) указал, что написал «евангелие се рабу божию наречену сущу въ крещении Иосифъ, а миръкы Остромиръ». Князь Владимир Всеволодович Мономах (1053-1125 гг.) в своем «Поучении» (ок. 1117 г.) также отметил, что имеет два личных имени: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом, возлюбленным и матерью из рода Мономахов» (перевод текста Д. С. Лихачева).

В период с XV по XVII вв. дохристианские имена постепенно перестают иметь значение личного имени собственного, они становятся второстепенными и воспринимаются как прозвища. Известный исследователь исторической ономастики В. К. Чичагов указывает, что потеря именами-прозвищами своего прямого назначения в качестве личного имени оказывается в том, что в памятниках XV-XVII вв. в модели словорасположения двух личных наименований дохристианские названия обычно следуют после христианских – на втором, на третьем месте. Он приводит множество доказательных примеров из писцовых, переписных и кабальных книг XVI-XVII вв.: Клим Молотило, Яков Копыто, Иван Арбуз, Кузьма Комар, Иван Губа, Васька Бык, Дмитрий Большая Борода, Илья Титов сын, прозвище Косик, Карп Иванов сын, прозвище Беляй и др. [21, С. 72-79]. Аналогичные структуры зафиксированы нами в «Курских таможенных книгах» (1619-1647 гг.): Киприан Ситник, Нестор Водовоз, Василий Кузнец, Тимофей Пузан, Оноха Хромей, Федор Рябой и др. [7, С. 148]. Но такое словорасположение не было абсолютным правилом. Так, в «Вкладной книге Брянского Свенского монастыря» XVII в. нам встретился пример, где на первом месте употреблено дохристианское личное имя «Даль по немъ вкладу Паукъ Алексеевичъ...седло сафяное с войлукъ...» [1, С. 32-33]. Занимая второе, третье место, как правило, в модели наименования, прозвища постепенно утрачивали значения личных имен и приближались к родовым прозваниям. С XVIII в. они становились базой для образования фамилии и передавались по мужской линии из поколения в поколение. Официально дохристианские имена были запрещены при Петре I. С тех пор русские люди стали носить только христианские имена [18, С. 27]. Но следует заметить, что некоторые дохристианские имена русский народ сохраняет до сих пор. Так, А. В. Суворов и А. В. Суперанская приводят имена новорожденных, зарегистрированных в последние десятилетия: Бажен, Добриня, Ждан, Любим, Любава [16, С. 68]. К ним следует добавить Лада, Злата, Влас и др.

Проведенный ретроспективный анализ русских личных имен показывает, что изучать эти языковые единицы следует с учетом их лингвистической природы и культурно-исторического статуса, потому что они в равной степени принадлежат сфере языка и культуры.

Приведенные сведения по русскому именослову определенного исторического периода позволяют провести сопоставление с именословом народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, поскольку в их становлении, употреблении, наряду с различием, можно обнаружить много общего. В институте народов Севера как отмечалось выше, обучаются студенты разной этнической, лингвистической, религиозной и историко-культурной принадлежности. Их личные имена отличаются большим разнообразием: одни восходят к глубокой древности – это традиционные имена их родных языков, другие – сравнительно новые – «русские» имена, пришедшие в северный край в связи с освоением русскими Сибири. Предметом нашего внимания являются родные имена северян, их лингвистическая значимость, особенности употребления.

Известно, что у многих северных народов существует обычай иметь два имени. Одно дается ребенку при рождении, это «внутрисемейное», «домашнее» имя на родном языке, этим именем его называют родители, близкие, друзья. Другое – официальное имя, которое записывается в документ (свидетельство) о рождении. Так, у долган мальчика называют Уйбага, а официальное его имя Иван. Известного на Таймыре писателя Андрея Кривошапкина – Энду, а ненецкого писателя Леонида Лапцую – Вэсеко. Эвенкийская писательница Галина Варламова-Кэлпукэ в своей повести «Имеющая свое имя, Джелтула – река» пишет, что в семье её называли Гунилгэн, а её сестер Женю и Лену – эвенкийскими именами Морсо и Тэмбэ [2, С. 15].

В североведческой литературе имеется много описаний обычая имянаречения ребенка. Одно из первых встречаем у С. П. Крашенинникова. Проезжая через Сибирь на Камчатку в 1733-1737 гг., он обратил внимание на то, как аборигены выбирают имя новорожденному: «Имена всякому из них даются того человека, который впредь всех после родин придет» [8, С. 61].

М. И. Попова описала историю ненецких национальных имен: «В прошлом по неписанному закону у ненцев каждый род имел свои имена, которыми другой род не мог воспользоваться. Если традиция нарушалась, то только по разрешению членов того рода, чье имя было заимствовано» [14, С. 8-9]. Указала она и время имянаречения: «Большинство родителей нарекали своих детей именами сразу после рождения ребенка, другие какое-то время спустя». Л.В. Хомич отмечает, что до трех-четырех лет ребенок не имел имени [20, С. 38]. В первые месяцы жизни новорожденного родители старались не показывать окружающим. Вместо имени ребенку давали какое-нибудь прозвище, чтобы сбить с толку злых духов. М. И. Попова называет такие имена-прозвища у ненцев: Оба, Ову, Олюко, Аку, образованные от междометий, с помощью которых мать ласкает младенца [14, С. 9]. С течением времени такие детские имена-прозвища могли стать и настоящими именами. Ненецкая писательница Л. П. Неняня в рассказе «Вэбы» в художественной форме описала, как над именем мальчика, родившегося в декабре, в темное и морозное время, а потому ребенок может быть молчаливым, угрюмым и злым, что было нежелательно для родителей, три дня думало все стойбище, чтобы дать мальчику хорошее имя. И придумало – назвали его именем знаменитого, уважаемого родича – Вэтэбы. Это было старинное родовое имя, какое давно никто не носил и не произносил, так что умерший родич будет доволен, что его имя вспомнили.

Для антропономиста важна информация и о том, что конкретно обозначает личное имя человека на его родном языке, т.е. его понятийная форма. В этом вопросе у народов изучаемых регионов имеются свои традиции, передающиеся из поколения в поколение. Небезынтересно отметить, что С. П. Крашенинников, будучи на Камчатке в 1737 г., записал несколько мужских и женских имен ительменов – коренных жителей и дал их перевод: Кошлея – «не умирай», Камак – «озерная букашка наподобие жука», Лемшинга – «земляной», Шикуйка – «паук», Сикушкоач – «паучок», Чакачь – «толмач не успел перевести», Брюч – «живосгоревший, от того так назван, что некоторый сродник сгорел в юрте». Кроме того, он сделал важное заключение:

- 1) имена, данные при рождении, у ительменов впоследствии не меняются;
- 2) мужские и женские имена часто одни и те же [3, С. 74]. Ительменские имена, как они представлены у С. П. Крашенинникова, связаны по значению с миром природы (названия животных, насекомых) и условиями быта. Именами умерших предков они пользовались.

М. И. Попова, говоря о значении имен северных народов, замечает, что некоторые из них имеют не какое-то конкретное значение, а общее. Например, у ненцев мальчику давали имя Хаса – «мальчик, мужчина», девочке – Неко, Некога, т.е. «девочка, женщина». Есть такие имена и у нгасан: имя Ны означает «женщина», а у эвенков Амирча – «отец» [14, С. 9]. Но чаще имянаречение было связано с какими-либо событиями, совпадавшими по времени с рождением ребенка. На формирование личного имени северян наложили свой отпечаток природные условия, образ жизни, занятия людей, их верования. К природе они относились и сейчас относятся с почтением. Она для них живая, наполненная добрыми и злыми духами, с одними надо ладить, «подкармливать», других – отгонять. Л. П. Неняня в книге «Наши имена» [11] показала, что личное имя на Таймыре у ненцев давали в зависимости от различных обстоятельств: от времени года, хорошая или плохая была в это время погода, удачный был промысел у родителей или нет, как звали внезапно приехавшего или уехавшего гостя, от важности произошедшего в это время события и многих других причин. Аналогично происходило имянаречение у других народов Севера.

Личное имя часто было связано с каким-либо значимым событием, совпавшим со временем рождения ребенка, например: женское ненецкое имя Тюсэйне означает «Свадебная», «Родившаяся во время свадьбы кого-то», Варнэя – «Девочка, родившаяся в месяц серых ворон», мужское имя Мюсене – «Родившийся в пути», девочку назвали Химиктэ, что по эвенкийски означает «Брусничка», потому что она родилась в то время, когда созревает ягода. В языке ханты Аина – «Месяц» (в это время светил месяц).

Имя зависело и от удачной охоты отца в этот день, например, у нгасан имя Нгорбие означает «Радостный» (когда родился сын, в семье была большая радость: вернулся с охоты отец, добыв четырех диких оленей).

Имена давались с учетом нынешних физических признаков ребенка, например: в ненецком языке Пёлёко – «Маленький», Пукри – «Длиноногий», Чиври – «Большой живот», в якутском Нюргун – «Богатырь», в бурятском Арюна – «Светлая», Аюна – «Чистая», в нганасанском Секорик – «Участый», Сонарик – «Высокий».

Учитывалось поведение ребенка, его внутренние качества, например: в ненецком языке Пыяси – «Угрюмый, молчаливый, сердитый». Енсне – «Спокойная», в нганасанском Бульбарик – «Нежная, ласковая», в якутском Ярта – «Плакса», Хануй – «Болезненный» и др.

Нередко родители давали ребенку, особенно девочкам, красивые имена по ассоциации с цветами, растениями, произрастающими в северных широтах: в якутском языке Нюргумя – «Цветок подснежник», Сардана – «Цветок Лилия», мужское имя Вэмнэ – «Щавель» и др. По значению А. Гафурова, у большинства народов мужские имена изначально означали силу, смелость, а женские – красоту, нежность [5, С. 3]. Наши материалы отчасти подтверждают это положение, хотя имена собственные, конечно, имеют несколько ослабленную связь с теми понятиями, на которые они опираются, по сравнению с именами нарицательными.

Некоторые личные имена в переводе на русский язык означают названия животных, особо ценимых на Севере, например, в ненецком языке Тыко означает «Олешек», уменьшительно-ласкательная форма от *тебя* – «олень». Так звали известного ненецкого писателя и художника, общественного деятеля Тыко Вылко (официальное его имя было Илья). Ненецкое имя Нюня – «Гагара». В отдельных подобных именах семантика более мотивирована, т.к. обусловлена характерной чертой ребенка, сближающей его с животным, птицей, например, в ненецком языке имя Нано означает «Утка» (видимо, ребенок ходил вперевалку, как утка). Г. И. Варламова-Кэлтука в своей повести «Имеющая свое имя, Джелтула – река» говорит о героине, которую по-русски звали Мая, а по-эвенкийски Гивчен: «Когда она родилась, ей дали имя Гивчен – Косуля. Она выросла, и все убедились, что родители не ошиблись, дав ей имя. В её легком шаге было что-то от тонконогой косули. И не только походка придавала ей эту схожесть.

Охотники знают, как легко напугать косулю. Легкий шорох – и тонконогая высокими прыжками, словно летя, скроется из глаз. Было что-то такое и в Маэ-Гивчен» [2, С. 88].

Личные имена говорят об очерёдности рождения ребенка в семье, а также о желательности или нежелательности его. Так, в ненецком имя Ябцу означает «Хвост», т.е. последний ребенок в семье, Натена – «Долгожданный ребенок», но были и такие как Ватена – «Лишняя», Тароси – «Бесполезная», обычно такие имена давали девочкам, т.к. их рождение особой радости не вызывало, ибо кормильцем, добытчиком в семье был мужчина, а не женщина.

Значение некоторых имен связано с надеждой родителей на счастливое будущее ребенка, например, в ненецком языке имя Нядма означает «Помощник», в якутском Саргылана – «Надежда на счастливую жизнь», Тэтеко в ненецком – «Имеющий оленей», Амирча в эвенкийском – «Отец», т.е. будет, как отец, кормилец, в нганасанском Нгойбуо – «Голова», т.е. главный, Дизар – «Лучик света».

В некоторых именах заключено значение какого-либо конкретного предмета, например, в нганасанском Тубяку означает «пуговица», в ненецком Сёбя – «Капюшон», Ханко – «Нарточки», «Саночки», Тэнэ – «Берестяная люлька», Мэкки – «Родинка», в хантыйском Пая, ики – «Рогатина – орудие охоты а медведя». Как правило, это название предметов материального мира с национально-культурной семантикой.

Есть имена, значение которых отражает место рождения ребенка: в ненецком языке Яхако – «Речка», Вилуюна – от названия реки Вилуй (Якутия).

Названия родов иногда становились личным именем. Так, в ненецком языке Лапцуй, Нуряй, Пуйко и др.; нганасанские имена бывших родов легко поддаются переводу на русский язык: Нгамтусо – «Щедрый», Лапсака – «Последыш, младший из детей» [20, С. 33].

У многих северных народов существовал обычай называть детей в честь предков. М. И. Попова пишет, что у долган, если нарожденный напоминал лицо одного из умерших, говорили, что в него перешла его душа (кут), и этого ребенка нарекали нехристианским именем этого человека, хотя долганы официально считались православными [14, С. 45]. Такой же обычай наблюдается и у ненцев, энцев, нганасан [20, С. 38]. Но такой обычай отсутствовал, например, у ительменов.

По мнению многих северных народов, как когда-то и у русских, считалось, что есть имена «счастливые» и «несчастливые». Если ребенок плохо спал, был беспокойным, плохо сосал грудь, окружающие в силу суеверных традиций предполагали, что всему виной неудачно подобранное имя младенца, и начинали искать ему новое имя. «Несчастливые» имена, у долган, например, обычно заменялись на «счастливые» после камлания шамана. Если ребенок долго болел, то, по совету старших, «несчастливое» имя заменяли на собачью кличку, и такое имя-кличку человек носил свою жизнь, например, Балыргы [13, С. 46]. «Счастливые» имена в ненецком языке: Ябля – «Счастливчик», Сатане – «Сильная женщина», в бурятском: Баир – «Счастливый», Баирма – «Счастливая», Жаргалма – «Радостная, дающая счастье», Соёлма – «Дающая воздух». В ненецком Еване – «Безродная сирота» - относится к числу «несчастливых».

Как в русских дохристианских именах, в языках северных народов были свои имена-обереги. Так, долганы, давали мальчику, например, имя Даһайбул, происходящее от слова *дину* – костяная пластинка, предохраняющая руку от удара тетивы. По мнению родителей, как пишет М. И. Попова, это имя будет защищать ребенка от болезней, его не затронут и злые духи [13, С. 45]. Таково же имя Турбел, образованное от слова *туру* – «название шаманского столба» который якобы охраняет, заслоняет от несчастий. Известен и другой обычай. Эвенкийский писатель А. В. Кривошапкин в автобиографическом романе «Кочевье длиною в жизнь» (Якутск, 2000. С. 214) вспоминает, что в прошлом у эвенов в Якутии часто умирали дети в младенческом возрасте. Чтобы уберечь их, родители «пускались на обман чертавампира»: несколько детей в одной семье называли одним именем. Писатель приводит пример, что три родные сестры, одна из которых была его бабушкой, назывались одним именем – Татьяна.

В именослове северян встречаются и такие имена, которые трудно отнести по семантике к какой-либо названной группе имен. Так, современное женское чукотское имя Рентывок, энцэвйт в переводе на русский язык означает «Бросившая свое местожительство», то есть «Беженка».

Подобно тому как в Древней Руси некоторые представители знатных фамилий, князья, наряду с обычным христианским именем, имели еще и «тайное» имя, будто бы спасавшее их от разных бед, так и в современном ненецком языке существуют такие имена. На Руси тайные имена были известны только самим носителям, а также их духовникам и самым близким людям в семье. Например, князь Иван III имел тайное имя Тимофеем; князь Василий III - Гавриил, царевич Дмитрий – Увар. В 2008 г. ненка Тэсида Экочи Александровна не сказала нам, что обозначает её имя, потому что по наказу шамана раскрывать её имени нельзя.

У некоторых северных народов в разговорной речи в семье и среди близких людей человека не называют его имени. А. В. Кривошапкин в своем автобиографическом романе «Кочевье длиною в жизнь» описал этот обычай. Его отца Василия мать Андрея называет *Дуня аманни*, т.е. «отец Дуни» (Дуня – старшая сестра писателя). Родного дядю Андрея Егора близкие называют *отцом Анны* (по имени любимой его дочери), дядю Петра, у которого был сын Былей, все звали *Былы аманни* – отец Былея. Горохову Марию, у которой было несколько детей, в романе называют по имени её младшего сына Максима – *Максим Маайата*. Писатель так объясняет эту формулу по имени, а называют по имени первенца или любимого в семье ребенка».

В русском языке аналога этому нет, но есть нечто отдаленно напоминающее это. Люди, забыв старую терминологию родства, иногда употребляют описательные формулы наименования типа брат мужа, вместо деверь, родной брат жены вместо забытого шурин, сестра мужа, жена брата вместо золовка, сестра жены – свояченица и др. Например, на вопрос: «Кем был Борис Годунов царю?» отвечают: «Родной брат жены царя Федора Иоанновича Ирины» (вместо «шурин»). Или: «Кем приходится Буй-Тур Всеволод Ярославне?» Отвечают: «Он был родным братом ее мужа князя Игоря» («деверем»). В современной речи вместо того, чтобы сказать: «Сергей Тарасов – зять Алисы Фрейндлих», говорят: «Сергей Тарасов – муж дочери Алисы Фрейндлих» и т.п.

Анализ фактического материала показывает, что в формировании и становлении именослова в русском языке на определенном этапе его исторического развития и многочисленных языках народов Севера, Сибири и Дальнего Востока есть много общего, хотя не все тождественно. Общность в том, что в значении личного имени у народов угадывается ориентация на одни и те же жизненные («витальные») ценности. Приоритетными оказываются сам человек, его внешние черты, характер, жизнь, счастье, здоровье, вера в будущее. Значимыми являются также экономические (достаток) и социальные ценности (семья, труд). Ориентация на эти ценности подтверждает общечеловеческий характер ментальности разных народов независимо от региона их проживания.

В русском языке в связи с крещением Древней Руси прежние славянские имена заменялись на чужие, христианские, из обихода изымались имена собственные, т.к. они были «неправильными», языческими. То же происходило в регионах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. С конца XVI в. в связи с освоением северных земель русскими, с расширением миссионерской деятельности православной церкви часть населения была обращена в христиан (не всегда добровольно) и, как следствие процесса, исконные имена коренных жителей с национально-культурной семантикой были заменены русскими, взятыми из православных святцов. Вот почему, как пишет Л. П. Ненянг, до сих пор у тундровых стариков и старушек ненцев, энцев распространены старинные русские имена: Прокопий, Евдоким, Артемий, Яков, Матрена, Марфа, Евдокия, Федосья, Прасковья, Ульяна, Агрофена и т.д. [11, С. 11].

Изученный нами ранее именослов студентов Института народов Севера (2003-2004 учебного года) показал, что большинство из них называется не своими родными именами, а русскими. Родные имена составили лишь 12,4% от общего числа всех личных имен. В основном это были бурятские имена: Арюна, Аюма, Баирма, Жаргалма, Соёлма, Аюли, Цыцыгма; якутские: Нюргун, Нюргуяна, Саргылана, Сардана, Айталина, Туйара; эвенкийские: Гарпанча, Тыманчи, Ляридо; хантыйское: Аина [6, С. 401]. К сожалению, с каждым новым поколением традиционные имена северян забываются. Это объясняется как лингвистическими, так и эксталингвистическими причинами, связанными с преобразованиями внутри общества: во-первых, стремление народов Севера облегчить общение, так как нерусские имена коренных жителей часто труднопроизносимы для людей другой национальности; во-вторых, желание не выделяться среди окружающих; в-третьих, детей называют русскими именами в смешанных браках, получивших большое распространение.

В последнее время, когда наблюдается рост национального самосознания у народов Севера, усилен интерес к своим историческим корням, идут поиски механизмов национального возрождения, самобытная духовная культура северных народов возвращается к ним. И это, несомненно, скажется на именослове коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Полиэтнические северные регионы в этом отношении, как и по целому ряду других лингвистических проблем, как справедливо заметил А. А. Петров, «дают исследователю благодатный фактический материал, анализ и изучение которого могут принести интересные результаты» [12, С. 12].

Заключение

Личные имена – это безбрежный океан в лексиконе любого языка. Ямальский педагог В. Н. Няруй о личных именах северных народов сказал: «В древние времена было так: сколько жителей в тундре, столько и разных имен». Именослов северных народов причудливо сочетает «старое» (родное) и «новое». И это позволяет (и обязывает) считать изучение имен собственных в многоязычной студенческой аудитории одной из интересных, но и ответственных тем.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Арсеньев В. Вкладная книга Брянского Свенского монастыря / В. Арсеньев. — Тула, 1911. — 43 с.
2. Варламова-Кэптукэ Г. И. Имеющая свое имя, Джелтула – река / Г. И. Варламова-Кэптукэ. — Якутск: Якутское книжное изд-во, 1989. — 117 с.
3. Володин А.П. Ительмены / А.П. Володин. — СПб.: Просвещение: С.-Петербург. отд-ние, 1995. — 124 с.
4. Воспитание этнотолерантности подростка в семье: Словарь / Под ред. Проф. А. Г. Козловой. — СПб., 2005. — 316 с.
5. Гафуров А Имя и история / А Гафуров — Москва: Наука, 1987. — 221 с.
6. Демидова Г. И.. Антропонимикон студентов Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена / Г. И. Демидова // Реальность этноса. Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса. Материалы VII Международной научно-практической конференции 22-25 марта 2005 г.; под ред. Бордовский Г. А., Балаянникова Л. А., Гончаров С. А., Набок И. Л., Петров А. А. — Санкт-Петербург: Астерион, 2005. — с. 399-402.
7. Демидова Г. И.. Типы антропонимов в курсской официально-деловой письменности первой половины XVII века / Г. И. Демидова // Образованная Россия: Специалист XXI века. Проблемы Российского образования на рубеже третьего тысячелетия; — Санкт-Петербург: Астерион, 1997.
8. Крашенинников С. П. В Сибири / С. П. Крашенинников — Москва: Наука, 1966. — 239 с.

9. Кузьмичев И. К. Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного, и откуда русская красота стала есть (Эстетика Киевской Руси) / И. К. Кузьмичев — Москва: Молодая гвардия, 1990. — 304 с.
10. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев — Москва: Издательство Московского университета, 1990. — 269 с.
11. Неняг Л. П. Наши имена. Антропонимический очерк / Л. П. Неняг — Санкт-Петербург: Просвещение, 1996. — 104 с.
12. Петров А. А.. Этнолингвистические проблемы народов Севера в полиглоссических регионах России (на примере Республики Саха) / А. А. Петров // Лингвистические вопросы североведения: Тез докл. и сообщ. Герценовских чтений 1993-1994 г.; — Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997.
13. Попов А. А.. Долганы. Собрание трудов по этнографии: Долганы. Собрание трудов по этнографии: в 2 т.; / А. А. Попов — Санкт-Петербург: Дрофа, 2003. - 1 т.
14. Попова М. И. Уроки предков / М. И. Попова — Санкт-Петербург: Дрофа, 2002. — 79 с.
15. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская — Москва: Наука, 1973. — 366 с.
16. Суслова А. В. О русских именах / А. В. Суслова, А. В. Суперанская — Ленинград: Наука, 1985. — 222 с.
17. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 2: Северный речной путь: Устьюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650–1656 гг. / сост.: З. Н. Бочарева [и др.]; под ред. АН СССР проф. А. И. Яковлева; Акад. наук СССР, Ин-т истории. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 898 с.
18. Угрюмов А. Русские имена / А. Угрюмов — Вологда: Вологодское книжное издательство, 1962. — 292 с.
19. Фролов Н. К.. О теоретической основе лексико-семантических классификаций топонимов / Н. К. Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию; — Воронеж: Наука-Юнипресс, 1982.
20. Хомич Л. В. Нганасаны / Л. В. Хомич — Санкт-Петербург: Просвещение, 2000. — 76 с.
21. Чичагов В. К.. Вопросы русской исторической ономастики. Об отношении русских имен к греческим в русском языке XV – XVII вв / В. К. Чичагов // Вопросы языкоznания; — Вып. 6. — Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Российская академия наук, 1957. — с. 64-80.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arseniev V. Vkladnaya kniga Bryanskogo Svenskogo monastyrja [Contribution book of the Bryansk Svensky monastery] / V. Arseniev. — Tula, 1911. — 43 p. [in Russian]
2. Varlamova-Keptuke G. I. Imeuschaja svoe imja, Dzheltula – reka [With a name of its own, the Jeltula is a river] / G. I. Varlamova-Keptuke — Jakutsk: Yakut publishing house, 1989. — 117 p. [in Russian]
3. Volodin A.P. Itel'meny [Itelmen] / A.P. Volodin. — SPb.: Prosveshchenie: S.-Peterb. department, 1995. — 124 p. [in Russian]
4. Vospitanie etnotolerantnosti podrostka v sem'e: Slovar' [Education of ethno-tolerance of teenagers in the family: Dictionary] / Edited by Prof. A. G. Kozlova. — St. Petersburg, 2005. — 316 p. [in Russian]
5. Gafurov A Imja i istorija [Name and history] / A Gafurov — Moskva: Nauka, 1987. — 221 p. [in Russian]
6. Demidova G. I.. Antroponomikon studentov Instituta narodov Severa RGPU im. A. I. Gertsena [Anthroponymicon of students of the Institute of the Peoples of the North of Herzen State Pedagogical University of Russia] / G. I. Demidova // The Reality of Ethnicity. Globalization and national traditions of education in the context of the Bologna process. Materials of VII International Scientific and Practical Conference March 22-25, 2005; edited by Bordovskij G. A., Baljasnikova L. A., Goncharov S. A., Nabok I. L., Petrov A. A. — Sankt-Peterburg: Asterion, 2005. — p. 399-402. [in Russian]
7. Demidova G. I.. Tipy antroponomimov v kurskoj ofitsial'no-delovojo pis'mennosti pervoj poloviny XVII veka [Types of anthroponyms in Kursk official business writing of the first half of the XVII century] / G. I. Demidova // Educated Russia: Specialist of the XXI century. Problems of Russian Education at the Turn of the Third Millennium; — Sankt-Peterburg: Asterion, 1997. [in Russian]
8. Krasheninnikov S. P. V Sibiri [In Siberia] / S. P. Krasheninnikov — Moskva: Nauka, 1966. — 239 p. [in Russian]
9. Kuz'michev I. K. Lada, ili Povest' o tom, kak rodilas' ideja prekrasnogo, i otkuda russkaja krasota stala est' (Estetika Kievskoj Rusi) [Lada, or The Tale of how the idea of the beautiful was born, and whence Russian beauty came to be (Aesthetics of Kievan Rus')] / I. K. Kuz'michev — Moskva: Molodaja gvardija, 1990. — 304 p. [in Russian]
10. Losev A. F. Filosofija imeni [The philosophy of the name] / A. F. Losev — Moskva: Moscow University Publishing House, 1990. — 269 p. [in Russian]
11. Nenjang L. P. Nashi imena. Antroponimicheskij ocherk [Our names. Anthroponymic sketch] / L. P. Nenjang — Sankt-Peterburg: Prosveschenie, 1996. — 104 p. [in Russian]
12. Petrov A. A.. Etnolingvisticheskie problemy narodov Severa v polietnicheskikh regionah Rossii (na primere Respubliki Saha) [Ethnolinguistic problems of the peoples of the North in multi-ethnic regions of Russia (on the example of the Sakha Republic)] / A. A. Petrov // Linguistic Issues of Northern Studies: Proc. of Herzen Readings 1993-1994; — Sankt-Peterburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. [in Russian]
13. Popov A. A.. Dolgany. Sobranie trudov po etnografii [Dolgans. Collection of works on ethnography]: Долганы. Собрание трудов по этнографии: in 2 vol.; / A. A. Popov — Sankt-Peterburg: Drofa, 2003. - 1 vol. [in Russian]
14. Popova M. I. Uroki predkov [Ancestral lessons] / M. I. Popova — Sankt-Peterburg: Drofa, 2002. — 79 p. [in Russian]
15. Superanskaja A. V. Obschaja teorija imeni sobstvennogo [General theory of proper names] / A. V. Superanskaja — Moskva: Nauka, 1973. — 366 p. [in Russian]
16. Suslova A. V. O russkih imenah [About Russian names] / A. V. Suslova, A. V. Superanskaja — Leningrad: Nauka, 1985. — 222 p. [in Russian]
17. Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII veka. T. 2: Severnyj rechnoj put': Ustyug Velikij, Sol'vychegodsk, Tot'ma v 1650–1656 gg. [Customs books of the Moscow state of the XVII century. Vol. 2: The Northern River

Route: Ustyug the Great, Solvychegodsk, Totma in 1650-1656] / edited by Prof. Z. N. Bochkareva [et al.]; edited by Prof. A. I. Yakovlev, Academy of Sciences of the USSR; Acad. of Sciences of the USSR, Institute of History. — M.; L.: Publishing House AS USSR, 1951. — 898 p. [in Russian]

18. Ugrjumov A. Russkie imena [Russian names] / A. Ugrjumov — Vologda: Vologda publishing house, 1962. — 292 p. [in Russian]

19. Frolov N. K.. O teoreтической основе лексико-семантических классификаций топонимов [On the theoretical basis of lexico-semantic classifications of toponyms] / N. K. Frolov // Materials on Russian-Slavic linguistics; — Voronezh: Nauka-Junipress, 1982. [in Russian]

20. Homich L. V. Nganasany [Nganasans] / L. V. Homich — Sankt-Peterburg: Prosveschenie, 2000. — 76 p. [in Russian]

21. Chichagov V. K.. Voprosy russkoj istoricheskoy onomastiki. Ob otnoshenii russkih imen k grecheskim v russkom jazyke XV – XVII vv [Questions of Russian historical onomastics. On the relation of Russian names to Greek names in the Russian language of the XV-XVII centuries] / V. K. Chichagov // Questions of linguistics; — Issue 6. — Moskva: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Rossijskaja akademija nauk, 1957. — p. 64-80. [in Russian]